Медсправка для президента–2

Кому оказана конкретная помощь после вывоза биоматериалов

В субботу на встрече Владимира Путина с журналистами стран G8 специальный корреспондент „Ъ“ Андрей Колесников спросил президента, почему Федеральная таможенная служба запретила вывоз из России биообразцов.

«Если вы говорите, что эти образцы вывозятся для того, чтобы оказать людям какую-то помощь, у меня, конечно, возникает вопрос: кому и какую помощь до сих пор оказали? Есть такая статистика? У меня такой статистики нет. И вообще, у меня сомнения, что кому-то оказана какая-то конкретная помощь после вывоза каких-то биоматериалов», — ответил Владимир Путин.

У нас есть своя статистика и у нас нет сомнений, что конкретным людям оказана конкретная помощь.

Восемнадцать человек удалось спасти или сейчас спасают врачи благодаря читателям „Ъ“. Все больные нуждались или нуждаются в трансплантации неродственного (то есть донорского) костного мозга. Этих людей спасли или можно спасти только потому, что образцы их крови были отправлены в Германию в Фонд Стефана Морша. Этот фонд организует поиск доноров в Европейском банке данных, куда входят национальные регистры многих стран. Россия в число этих стран не входит. Потому что в России вообще нет своего банка данных доноров.

Работавшая до сих пор схема проста. Российские онкогематологи из Российской детской клинической больницы (РДКБ) и Клиники трансплантации костного мозга Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени Павлова отправляют в Германию образцы крови наших реципиентов. Там проводится типирование и начинается поиск донора. После того как донор найден, проводится трансплантация костного мозга. Как правило, сейчас такие операции проводятся в России.

Поиск и «активация» доноров стоит €15 тыс. Этим восемнадцати поиск доноров оплатили читатели „Ъ“ и сайта Российского фонда помощи (РФП) www.rusfond.ru.

Бюджетом Российской Федерации расходы на поиск доноров не предусмотрены. А с конца мая Федеральная таможенная служба перестала пропускать за границу образцы биоматериалов — в том числе те самые образцы крови больных людей. Это означает, что поиск новых доноров для новых больных стал невозможен.

Катя Горбунова, 17 лет, Республика Марий Эл. В 2002 году — рецидив острого миелобластного лейкоза. Спасение в трансплантации неродственного костного мозга, но в РФ такие пересадки еще не делали. Сделали в Германии за $177 тыс. Росздрав оплатил две трети цены, $59 тыс.— читатели „Ъ“. Это была одна из первых громких публикаций РФП в ноябре 2002 года. Именно после случая с Катей в Москве заговорили о необходимости оперировать таких детей в России. Тогда и родилась эта схема: в отсутствие собственной донорской базы вывозим образцы крови пациента в Германию, оплачиваем поиск, а дальше дело техники и одного-шести месяцев.

За минувшие пять лет Катя закончила школу с золотой медалью и вот поступает на филфак МГУ. Она свободно говорит на английском, французском и итальянском языках, потрясающе поет и в придачу еще отличный декоратор.

Настя Савельева, 14 лет, Тамбовская область. В 2003 году — рецидив острого лимфобластного лейкоза. Донор здорового костного мозга найден в Европе. Пересадка успешно проведена в 2003 году в Москве в РДКБ.

Настя — круглая сирота, ее отчим зарубил ее мать на глазах девочки. Как раз после этого у Насти нашли лейкоз. Но тут ей повезло. Читатели „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru оплатили ей поиск донора в Германии, и после пересадки в Москве костного мозга у Насти не было ни одного осложнения. Сейчас у девочки новая семья, ее там очень любят и помогают догнать сверстников в школе. Настя любит животных, сейчас она увлечена видеосъемкой лошадей и конных соревнований.

Максим Матвеев, 18 лет, Краснодарский край. Острый бифенотипический лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен из «излишков» от сборов для Насти Савельевой. Пересадка выполнена в Москве в РДКБ в 2004 году.

Максим живет сейчас вместе со своими родными в Подмосковье. Идея с переездом поближе к Москве и РДКБ принадлежит маме Максима. Так спокойнее — врачам легче показаться в случае чего. Однако, как рассказывают родные, Максим живет так, словно ничего и не было. «Болеет» автомобилями, гоняет на собственном мотоцикле, поступил в техникум.

Вадим Маркунин, 5 лет, Краснодарский край. Апластическая анемия. Поиск донора в Фонде Морша оплачен из «излишков» от сборов для Насти Савельевой. Пересадка выполнена в Москве в РДКБ в 2004 году.

В первый год после трансплантации у Вадика обнаружилась известная реакция «трансплантат против хозяина» в виде небольших кожных осложнений. С ними долго боролись, пришлось даже выехать на дополнительное лечение в Германию, теперь все позади. Вадик чувствует себя хорошо и живет жизнью обычного пятилетнего мальчишки. Разве что раз в полгода с мамой навещает врачей РДКБ.

Давид Губайдуллин, 4 года, Башкирия. Хронический миеломонобластный лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен из «излишков» от сборов для Насти Савельевой. Пересадка выполнена в Москве в РДКБ в 2004 году.

У Давида были осложнения в связи с реакцией «трансплантат против хозяина». Врачи говорят, что это вообще-то полезная реакция. Донорские клетки, попав в кровь реципиента, убивают любую недобитую раковую клетку. Но случается, они выходят из-под контроля и начинают громить здоровые клетки. Против такой реакции используют несколько препаратов, в том числе преднизолон, и ребенок полнеет. Но в мае Давид был в РДКБ уже веселый и даже немного похудевший.

Игорь Оболенский, 15 лет, Крым, Украина. Апластическая анемия. Поиск донора в Фонде Морша оплачен из «излишков» от сборов для Насти Савельевой. Пересадка выполнена в Москве в РДКБ в 2004 году.

В июле Игорь приедет на обследование в Москву в РДКБ. Как предполагается, приедет на обследование он в последний раз, чтобы окончательно расстаться с лекарствами после трансплантации. Он прекрасно выглядит, никаких осложнений не было. Игорь много времени проводит с младшим братом, гоняет на велосипеде и очень много плавает — на соревнованиях и так, для себя.

Сережа Тропин, 5 лет, Тюменская область. Семейный гемофагоцитарный лимфогистицитоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен из «излишков» от сборов для Насти Савельевой. Пересадка выполнена в Москве в РДКБ в 2004 году.

Сережа — второй ребенок в семье с таким наследственным заболеванием. Его старшая сестра погибла, потому что неродственную трансплантацию костного мозга в России еще не делали. В случае с Сережей это была одна из первых удачных пересадок в России при таком диагнозе. Недавно Сережу привозили в РДКБ. У него все в порядке настолько, что он не узнал никого из врачей. А между тем он провел в этой больнице почти полжизни.

Миша Водопьянов, 19 лет, Калининградская область. Острый лимфобластный лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru. Пересадка выполнена в клинике Хадасса (Израиль) в 2006 году.

Когда Мише нашли донора в Германии, выяснилось: положение его столь тревожно, что лучше бы сделать пересадку в более опытной клинике. Врачи сошлись на том, что лучше всего подойдет клиника Хадасса в Иерусалиме. Читатели „Ъ“ тогда помогли Мише деньгами, операция в январе 2006 года прошла успешно. Сейчас Миша готовится к поступлению в институт и работает в одном из благотворительных фондов Москвы.

Сережа Варыгин, 14 лет, Саратовская область. Острый миелобластный лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru. Пересадка выполнена в Москве в РДКБ в 2006 году.

Сережа сейчас дома, чувствует себя хорошо, никаких осложнений, но в школу не ходил — был «на домашнем обучении». Особенно налегал на иностранные языки, физику и математику, потому что «остальное малоинтересно». Врачи РДКБ полагают, что уже через несколько месяцев можно будет сказать, что все опасности окончательно позади.

Илья Верескун, 3 года, Алтайский край. Острый лимфобластный лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru, начат в апреле.

Илья болен лейкозом с декабря 2006 года. В РДКБ его состояние относят к высокой группе риска, он получает необходимую терапию, но вся надежда на трансплантацию. В настоящее время родители, оставив на родственников старшего сына Кирилла, живут с Ильей в Москве. Отец устроился на временную работу, но его зарплаты едва хватает на оплату аренды жилья.

Ваня Борис, 8 лет, Томская область. Апластическая анемия. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru и недавно найден.

Хотя донор найден, мама мальчика неожиданно отказалась от трансплантации в России. Врачи РДКБ удивлены, они считают, что это «немотивированный отказ». Тем не менее мама Вани Ольга Булычева сейчас организует сборы $127 тыс. на операцию в клинике Хадасса в Израиле.

Артем Таскин, 16 лет, Пензенская область. Мелодиспиастический синдром. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru, и донор для Артема найден. Пересадка состоится в Москве в РДКБ в июле.

Артем в настоящее время дома в Пензе, не хочет видеть никого, даже близких друзей. Он знает, что жизнь зависит от предстоящей операции. Обычно таким больным в его возрасте это хорошо известно. Но у всех разная реакция. Артем очень тяжело переживает ожидание, врачи поговаривают о тяжелой депрессии.

Саша Харитонов, 10 лет, Орловская область. Апластическая анемия. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru. Донор для Саши найден. Пересадка состоится в Москве в РДКБ в июне.

Врачи РДКБ полагают, что у Саши приобретенная апластическая анемия сверхтяжелой формы и неизвестного происхождения. По договоренности с Фондом Морша поиск донора для Саши был начат, когда мы только приступили к подготовке публикации о нем. И донор «объявился» как раз, когда деньги были собраны. 14 июня в РДКБ должен быть доставлен контейнер с донорскими стволовыми клетками, в ночь на 15 июня запланирована пересадка.

Володя Деев, 16 лет, Тульская область. Острый миелобластный лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru и продолжается с марта 2007 года.

Володя — второй и единственный сын у Деевых. Его старший брат заболел в возрасте семи лет и умер, как пишет мама, «из-за не оказанной вовремя медицинской помощи». В 2005 году заболел Володя, в РДКБ его через полгода лечения вывели в ремиссию, мальчик вернулся было домой, но нынче в январе наступил рецидив лейкоза. Теперь одна только химиотерапия не поможет.

Юля Урушева, 2 года, Санкт-Петербург. Апластическая анемия. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru, донор найден. Первая трансплантация выполнена в феврале 2007 года в клинике Медицинского университета имени Павлова, Санкт-Петербург.

Та операция прошла успешно, но трансплантат не прижился. В мае проведена повторная пересадка клеток. Пока результатов нет. Однако девочке потребовались дорогостоящие противовирусные и противогрибковые препараты, чтобы бороться с осложнениями. Они куплены на деньги читателей „Ъ“, девочке стало легче.

Светлана Спешилова, 19 лет, Санкт-Петербург. Апластическая анемия. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru и продолжается с апреля 2007 года.

Светлана — студентка Ленинградского электротехнического института. Заболела еще в 2002 году. Теперь это болезнь в тяжелой форме. Сейчас Света находится в горбольнице № 31, здесь ей проводят переливания крови. Она каждый месяц на несколько дней ложится в больницу, потому что показатели крови снижаются: падает гемоглобин, уменьшается количество тромбоцитов.

Ольга Веселькова, 30 лет, Москва. Острый миелобластный лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru, донор найден. Операция готовится в Клинике трансплантации костного мозга Медицинского университета имени Павлова, Санкт-Петербург.

Болезнь обнаружили в 2006 году. В Москве Ольга прошла четыре курса химиотерапии, перенесла их тяжело, были осложнения в виде грибковой инфекции. Сейчас анализы крови нормализовались.

Сережа Саламонов, 10 лет, Ленинградская область. Острый лейкобластный лейкоз. Поиск донора в Фонде Морша оплачен читателями „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru и продолжается с апреля 2007 года.

Два года назад у Сережи обнаружили лимфогрануломатоз. Его вылечили. Но в ноябре прошлого года он вновь заболел, на этот раз диагноз — острый лейкобластный лейкоз, Т-клеточный вариант. Поскольку у Сережи это второе онкозаболевание, то риск очень высок. Сережа лечится в детской горбольнице № 1 Санкт-Петербурга, позади шесть курсов химиотерапии. Но ремиссия наступила позже, чем планировали врачи. Сережу спасет только пересадка донорского костного мозга.

ДМИТРИЙ ЛЕКАЙ

Образец для выживания

Диагноз Саши Лактионова — острый лимфобластный лейкоз. Рак крови, третий по счету рецидив. Только Саша свой диагноз игнорирует. Жизнь этого подвижного 15-летнего паренька состоит из мотоциклов, компьютерных игр и общения с другими детьми из отделения онкогематологии Российской детской клинической больницы (РДКБ). После химиотерапии лейкоз удалось остановить, но победить его можно только трансплантацией пуповинной крови. Ее образцы уже удалось найти, но чтобы завершить подбор и доставить их в РДКБ, нужно около €40 тыс. И тогда Сашин шанс выжить — 80%.

Перед такими встречами всегда ожидаешь чего-то страшного. Потому что к сочетанию слов «дети» и «онкология» не привыкаешь. А тут рядом со мной в коридоре отделения онкогематологии РДКБ сидит бодрый и жизнерадостный Саша. Вполне обычный паренек, и только противомикробная маска на лице и отсутствие волос из-за химиотерапии свидетельствуют, что дело его серьезное. На второй минуте знакомства достает мобильный телефон и показывает фотографию: рядом с каким-то гаражом лежит черно-зеленый мотоцикл. Не разбираюсь, но похож на гоночный.

— Это я сам собрал. Взял старый „Иж“ у деда, перебрал его, и вот! — гордо заявил он, а потом чуть заметно вздохнул.— Жаль, отрегулировать не успел, в больницу пришлось ложиться, а он ведь стоит, ждет меня.

— Сам собрал? — переспросил я, думая, как бы объяснить ребенку, что врать вообще не очень хорошо, а журналистам — особенно.

— Ну, почти сам,— неохотно ответил Саша.— Проводку друзья помогли, я в электрике не очень. А остальное сам: движок перетряс, тормоза прокачал, покрасил в два цвета, хром положил.

Первый раз лейкоз у Саши Лактионова из Ставропольского края выявили в 1997 году, он как раз в первый класс успел пойти. Лечение продолжалось год. Мама Надежда, учительница начальных классов, из школы ушла, сосредоточившись только на одном ученике — сыне. После трех лет ремиссии опять тот же диагноз. Вновь больница и вновь курсы химиотерапии. Показалось, вылечили — но нет. Утром 1 января 2007 года у Саши поднялась температура, заболели суставы, и мама сразу поняла, что это симптомы не простуды и не ангины.

В этот раз ставропольский минздрав направил сына с мамой в Москву, в РДКБ. Здесь врачи сказали, что одной химиотерапией уже не обойтись — нужна трансплантация костного мозга, и нужно искать донора. Задача оказалась непростой. Мама и старшая Сашина сестра в доноры не подошли, в международных банках данных тоже не оказалось совместимых с Сашей доноров. Врачи предложили трансплантацию пуповинной крови — это более современная методика лечения детских лейкозов.

«Выбора же все равно нет,— очень серьезно говорит Саша.— А вылечиться надо, я очень хочу выздороветь. Очень»

Но эта методика и дороже: за поиск и доставку двух образцов крови нужно заплатить не менее €40 тыс. Для Сашиной мамы, всю жизнь проработавшей в сельской школе поселка Горьковский, это нереальная сумма. Поэтому очень нужна ваша помощь. Врачи говорят, что если удастся приобрести нужные образцы, шансы Саши на то, чтобы выжить,— 80%.

Предварительно образцы крови для Саши уже подобраны. Это удалось сделать еще до запрета Федеральной таможенной службы на вывоз из России биообразцов человека („Ъ“ несколько раз сообщал об этом). В запретный перечень, естественно, попадает и кровь, а без вывоза ее образцов донора подобрать невозможно. К слову, каждый год только одно отделение онкогематологии РДКБ подбирает за границей доноров минимум для десяти детей — в России таких банков данных нет. А промедление или, что даже хуже, несовпадение клеток костного мозга или крови при трансплантации гарантированно приводит к гибели ребенка.

Так что Саше повезло, и у него теперь другие заботы. «В принципе в больнице хорошо, я уже привык за полгода,— рассуждает он.— Хотя, конечно, компьютер здесь не очень. Пасьянс разложить еще можно, а автомобильные гонки не грузятся. Да и пацанов моего возраста мало — ни потрепаться, ни в пинг-понг поиграть».

— Да ты хорошо устроился,— пытаюсь я приободрить Сашу.

— Выбора же все равно нет,— очень серьезно отвечает он.— А вылечиться надо, я очень хочу выздороветь. Очень.

Его мама тоже оптимистка. «Я уже десять лет как на вулкане живу, привыкла ко всему, но никогда не переставала верить, что мы вылечимся»,— говорит она. «Мам, ну я тебе сколько раз говорил, перестань! Не бойся ты, посмотри на меня — я же не боюсь,— вмешивается Саша и, повернувшись ко мне, добавляет: — Я по жизни такой, меня ничем не испугаешь».

Андрей Козенко

КАК ПОМОЧЬ **ДЛЯ СПАСЕНИЯ САШИ ЛОКТИОНОВА НЕ ХВАТАЕТ 785 ТЫС. РУБ.**

По словам заведующей отделением онкогематологии РДКБ Натальи Мяковой, у Саши Локтионова острый лимфобластный лейкоз: «Причем такой вариант лейкоза, который никогда ни у кого не рецидивирует». Но Саше жутко не повезло: болезнь возвращалась дважды. Вдобавок донора костного мозга для Саши во всем Всемирном банке данных найти не удалось.

Зато нашлась пуповинная кровь. Наталья Мякова говорит: «Саша уже большой парень, и для пересадки ему необходимы два образца пуповинной крови». Уже найдено четыре донора-кандидата: двое из Франции и по одному из США и Тайваня. И еще доктор говорит: «Пуповинная кровь очень дорога для пересадки. Это связано, прежде всего, с ценой хранения материала».

Фонд Морша выставил Локтионовым два счета, по €15 тыс. каждый. Этой семье такие траты не то что не по карману — здесь сколько никогда не зарабатывали. Таким образом, спасение Саши сейчас зависит от 1,044 млн руб. Как всегда, наш постоянный партнер инвестиционная группа «Капиталъ» внесет $10 тыс. То есть для спасения Саши не достает еще 785 тыс. руб. Сумма очень серьезная, учитывая летнюю каникулярную пору, дорогие друзья. Дорог каждый рубль помощи, он будет с благодарностью принят.

Деньги можно перечислить как в Фонд Морша в Германию (по просьбе фонда — переводом не менее €5 тыс.), так и на сберкнижку Сашиной мамы Надежды Локтионовой. Мы специально открыли ее в Москве для Надежды Петровны.

Все необходимые реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

«Еще одно преступление, которое государство совершает против своих людей»

О том, зачем медицине необходим вывоз за рубеж биообразцов человека, насколько это законно и остановит ли запрет на транспортировку биоматериала «биотеррористов», корреспонденту „Ъ“ ЮЛИИ ТАРАТУТЕ рассказал заместитель директора Федерального центра детской гематологии АЛЕКСЕЙ МАСЧАН.

— Объясните, пожалуйста, кому необходим международный обмен биообразцами.

— Существует три основные группы пациентов. Самая многочисленная — участники международных клинических исследований новых эффективных лекарств. Вторая группа — больные, которые нуждаются в установлении диагноза. А третья состоит из пациентов, нуждающихся в пересадке костного мозга.

— Существует мнение, что клинические исследования — это не медицинская помощь, а фармакологический бизнес. Так ли это?

— Еще есть миф о том, что при помощи клинических исследований капиталисты умерщвляют славян в кровожадных империалистических целях. На самом деле клинические исследования — огромное благо для пациентов, которые получают доступ к самым современным лекарствам. Человек одновременно и лечится, и исследуется. Причем фирма предоставляет ему самое современное лекарство бесплатно.

— Вы сказали, что вывоз биообразцов необходим для определения диагноза. Почему его нельзя поставить в России?

— Речь идет о болезнях, для которых диагностики в России просто не существует. Это, например, касается больных с генетическими синдромами. Бывает так, что во всем мире на конкретном редком заболевании специализируется всего одна лаборатория. У нас в клинике лечится ребенок из Свердловской области с редким вариантом иммунодефицита. Ген его был открыт три года назад. Исследование этого гена ведется лишь в одном университете в Европе — в Гамбурге. Его кровь была отправлена туда, и по результатам диагностики ему назначили прогрессивное лечение. Главным образом мы отправляем за рубеж на диагностику кровь пациентов с иммунодефицитом. Причем делаем это регулярно — не реже пятнадцати раз в год.

— Большинство пациентов вашей клиники относятся к третьей группе, чья кровь отправляется на Запад для подбора доноров костного мозга. Как происходит подбор доноров?

— Это устроено следующим образом. Мы выполняем новое высокоточное исследование крови кандидата на пересадку костного мозга, так называемое типирование. Это исследование ДНК пациента для выявления пар трансплантационных генов — ответственных за неторжение трансплантанта. Потом отправляем кровь в специализированную западную клинику, поскольку результаты наших исследований должны быть подтверждены, сертифицированы европейской лабораторией. Потом данные исследования вводятся в международную поисковую систему доноров, которая работает с регистрами, банками данных доноров в разных странах мира. Мы работаем с поисковым центром «Стефан Морш Штифтунг» в Германии. Нам выдается результат — для нашего пациента есть такое-то количество потенциально совместимых доноров. Мы выбираем того, кто подходит в большей степени,— ищем совпадение по полу, вирусным показателям, группе крови.

— В России нет своего банка доноров?

— У нас есть регистры, но маленькие, не способные отвечать нашим потребностям. Это ведь никогда не было интересно государству. Их не финансировали. Для создания полноценного банка доноров в России нужны начальные затраты порядка $20 млн. Это в расчете на 50 неродственных пересадок в год. Теперь посчитайте, что дешевле: создавать с нуля новый регистр или брать европейских доноров по цене €15–17 тыс.

— А вы биотерроризма не боитесь? Ведь по одной из версий, именно из-за такой угрозы и ввели запрет на вывоз биообразцов.

— В международной поисковой системе порядка 10 млн доноров. И никто ни разу не задумался об угрозе биотерроризма. Я, конечно, не специалист. Но генетики, с которыми я говорил, рассказывают, что это из области фантастики. Если верить в ведущиеся разработки, надо запретить не только выезд за рубеж россиян, но и въезд в страну иностранцев. Вдруг они пойдут в Сандуновские бани или устроятся уборщиками в парикмахерские, чтобы волосы собирать.

— Правда ли, что свои биообразцы на Запад отправлял спикер Совета федерации Сергей Миронов?

— Абсолютная правда. В январе прошлого года в нашем институте проходила акция для пополнения регистра доноров в помощь раковым больным. Сергей Миронов тогда сдал свою кровь, она была обезличена, под номером. Этот номер известен только ему и еще одному человеку в регистре. Он тогда был страшно горд и счастлив. И, в общем, было чем гордиться — сдал кровь на благое дело.

— А правда, что одного из ваших пациентов, которому делалась операция по пересадке костного мозга, а значит, образцы его крови вывозились на Запад, курировал лично президент Владимир Путин?

— Да. Это двенадцатилетний Дима Рогачев. Ему сделали пересадку от немецкого донора здесь, в Москве. Благодаря вмешательству президента мы смогли достать ребенку самые новые лекарства, то есть наш институт мог применять не зарегистрированные в России новые препараты, которые очень помогли.

— Чем же, по-вашему, все-таки вызван запрет на вывоз биообразцов?

— Если это опасение биотерроризма, то это бред, возведенный в ранг госполитики. Я все же склоняюсь к версии, что кто-то просто хочет выжать денег из фармацевтов, чтобы они откупили возврат разрешения на вывоз биообразцов.

— А есть пробелы в законодательстве, которое регулирует вывоз образцов крови?

— Мы делаем это по временному положению Минздравсоцразвития о вывозе биообразцов «в рамках научного сотрудничества». Регулярно получаем разрешения в Минздравсоцразвития, потом «штампуем» их в Госнаркоконтроле. В последнем ведомстве никогда не было препятствий, а в министерстве — сколько угодно. Они всегда боятся, что выдают разрешение неправомочно. То есть, по сути, вывоз биообразцов по нашему случаю не был запрещен, но и не был разрешен.

— Как вписать вас в закон?

— Нужно прописать выдачу разрешений для вывоза образцов крови, например, для выполнения диагностических исследований. То есть надо уточнить закон, а не запрещать вывоз. Речь ведь идет не о промышленных масштабах — для нужд неродственной трансплантологии вывозится 180–250 образцов в год. Для диагностики — столько же. Большие объемы существуют только в клинических исследованиях.

— Как, по-вашему, будет развиваться ситуация с запретом?

— Сложно сказать. Непонятно, кто вводил запрет. А значит, непонятно, кто его должен снимать. Госчиновникам следует помнить, что запрет — это очередной шаг назад в отечественной медицине, остановка в развитии многих прогрессивных технологий. Еще одно преступление в бесконечной череде медицинских преступлений, которые государство совершает против своих людей.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $16,07 млн.
Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат Национальной премии «Серебряный лучник».
Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (499) 943-91-35, (495) 158-69-04 с 10.00 до 21.00.
Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».